А.О. ПУТИЛО, Н.Е. ТРОПКИНА
(Волгоград)

ТРАДИЦИИ САТИРИЧЕСКОЙ БАСНИ КОЗЬМЫ ПРУТКОВА В ТВОРЧЕСТВЕ ЕГО «СЫНА» ИВАНА ПРУТКОВА*

Сопоставляются сатирические басни литературных масок Козьмы и Ивана Прутковых. В процессе выделения жанрообразующих черт ряда произведений анализируемых авторов обнаруживается, что поэтика творчества Ивана Пруткова сформирована под влиянием традиций сатирической и пародийной поэзии Козьмы Пруткова и вместе с тем жанровый канон в творчестве того и другого автора трансформируется.

Ключевые слова: *басня, сатира, Иван Прутков, Козьма Прутков, языковая игра, анималистические образы.*

На сломе эпох в конце XIX – начале XX в. в культуре, а в частности в литературе, стала проявляться склонность к игре со смыслом и, как следствие, возникло большое количество специфических сатирических и юмористических явлений, например литературные маски. В новой литературной ситуации актуализируются литературные традиции, связанные с образом Козьмы Пруткова. Эта актуализация может носить имплицитный характер, выявляемый в ходе специального литературоведческого анализа, а может быть демонстративно манифестирована авторами новой эпохи.

Литературную игру, начатую еще в XIX в. А.К. Толстым и братьями Жемчужниковыми (создателями личности Козьмы Пруткова), продолжил Б.В. Жиркович, разработавший образ Ивана Козьмича Пруткова, представленного в печати как сын покойного Козьмы Петровича Пруткова. «Свои» произведения Иван Прутков публиковал на страницах известных сатирических журналов «Сатирикон», «Новый Сатирикон» и др. Специфика творчества обоих Прутковых, в первую очередь, связана с феноменом литературной маски, с одной стороны, выполняющей функции псевдонима, а с другой – отражающей через призму сатирического образа мировоззрение поэта.

Общность творчества обоих авторов заложена в самой идее преемственности отца и сына и выражается в особенностях поэтики (выборе ведущих жанров, в их специфических чертах). Данное утверждение доказывается путем сопоставительного анализа ряда произведений Козьмы Пруткова и Ивана Козьмича Пруткова, написанных в жанре басни.

Двенадцать басен Козьмы Пруткова публиковались на протяжении тридцати лет: с 1851-го по 1881 г. Исследователи доподлинно определили даты создания лишь некоторых из них: первая написана в 1851 г. («Незабудки и запятки»), а последняя («Пастух, молоко и читатель») – в 1881 г. Из обширного художественного наследия Ивана Козьмича Пруткова нами были выбраны десять басен, написанных с 1909-го по 1914 г. Данные произведения, относящиеся к раннему периоду творчества Б.В. Жирковича, отражают процесс формирования характерных черт его авторского стиля, четко выражающих следование традициям поэтики произведений Козьмы Пруткова.

Формально произведения Козьмы Пруткова остаются в границах жанра басни, тем не менее можно найти нарушение практически каждой из жанровых норм (очень краткие басни – «Пастух, молоко и читатель» (4 стиха) и развернутые, превышающие по объему классические образцы, – «Звезда и брюхо» (59 стихов, из которых 22 – мораль) [9]). Басни Ивана Пруткова более соответствуют классическим образцам по объему (все произведения данного жанра в среднем состоят из 26–30 строк) и равновесности частей: повествования и морали. В баснях того и другого автора выявляется, хотя и чаще всего в пародийно-травестированном виде, отмеченная Д.Н. Медришем особенность басенного жанра: «… в сказке хронология – сплошная фикция <…>, а в басне она отличается всеобщностью (басенное “однажды” равнозначно “всегда”)» [6, с. 31–32].

Композиционное оформление басен Козьмы Пруткова и Ивана Пруткова также типично, большая часть басен содержит нравоучение в форме морали в конце, однако у каждого из сопоставляемых авторов находятся басни с моралью как в начале, так и в конце произведения: у Козьмы Пруткова – две басни («Разница

* Публикация подготовлена при поддержке РГНФ (проект № 16-04-00382 «Научное наследие Д.Н. Медриша»). Сообщаем, что в рамках названного проекта также была опубликована статья: Минц Б.А., Тропкина Н.Е. Вариативность как фактор циклизации в лирике (книга стихов) // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. 2016. № 7. С. 124–130. По техническим причинам ссылка на проект в номере отсутствует.

© Путило А.О., Тропкина Н.Е., 2017

вкусов», «Пятки некстати»), у Ивана Козьмича Пруткова – одна («Путник и ворона»).

Заглавия басен обоих авторов ориентированы на традиции жанра (Козьма Прутков: «Стан и голос», «Помещик и трава»; Иван Прутков: «Мужик и телега», «Постовой и месяц», «Путник и ворона» и др.), однако это касается только внешнего оформления. В классических образцах название отражает заложенное в басне антонимическое соотношение главных действующих лиц. Например, в баснях И.А. Крылова это «Ворона и лисица», «Волк и ягненок», «Стрекоза и муравей»; в баснях Пруткова заявленные в названиях противоречия не всегда получают текстуальное подтверждение, создавая иллюзию конфликта [9]. Так, например, в баснях Козьмы Пруткова «Червяк и попадья» взаимодействуют попадья и лакей, в «Незабудках и запятках» – одно действующее лицо Пахомыч, а в баснях Ивана Пруткова «Мужик и телега» взаимодействуют повествователь и мужик. Басня «Постовой и месяц» представляет собой рассуждение от имени повествователя, без действия и персонажей. Однако, анализируя басни Ивана Пруткова, можно отметить сглаживание данной черты, например, в басне «Путник и ворона», хотя и в неявной форме, но все же присутствует противопоставление «разини» путника и проглоченной им глупой вороны. Басня «Свинья и пресса» названа в соответствии с классическими образцами (ср.: И.А. Крылов «Мартышка и очки») и реализует смысл, заложенный в названии.

В ходе анализа формальных черт нами было выявлено соответствие произведений Козьмы Пруткова и Ивана Пруткова требованиям жанра басни. Тем не менее специфика сатирического дискурса и пародийность образов литературных масок строятся на прямом разрушении жанрового канона.

Анализируя образную систему, укажем, что в целом для жанра басни характерны узнаваемые анималистические образы, они удобны для реализации дидактической поэтики. Так, Е.А. Костюхин в книге «Типы и формы животного эпоса» пишет: «Фигуры басенных животных многозначны, как это свойственно персонажам животных сказок. <…> Неоднозначность басенных персонажей, подвижность их характеристик вовсе не придает им глубины или индивидуальности. <…> Гибкость и подвижность характеристик басенных персонажей имеет следствием условность моральных тезисов, которые басня пропагандирует» [5, с. 171].

Мы находим аллегорические образы животных в баснях обоих авторов: Медведь (**Иван Прутков** «Медведь»), Пес Барбос (**Иван Прутков** «Вешалка»), Свинья (**Иван Прутков** «Свинья и пресса»), Ворона (**Иван Прутков** «Путник и ворона»), Тарантул (**Козьма Прутков** «Кондуктор и тарантул»), Курица (**Козьма Прутков** «Чиновник и курица»), Цапля (**Козьма Прутков** «Цапля и беговые дрожки»), Червяк (**Козьма Прутков** «Червяк и попадья»), горлица (**Козьма Прутков** «Стан и голос»). Однако в баснях Козьмы Пруткова животное ни разу не становится главным героем, а у Ивана Пруткова, хотя он и давал животным ведущую роль в повествовательной части, лишь в одном произведении животное осталось без сопровождения человека. В баснях Козьмы Пруткова животные либо вовсе лишены голоса (тарантул, червяк) и являются лишь ключом для завязки сюжета («Однажды к попадье заполз червяк на шею…»), либо, находясь в диалоге с человеком, оттеняют его размышления, поступки. Например, в басне «Цапля и беговые дрожки» размышления помещика прерываются одной фразой, брошенной цаплей:

«Ах! почему такие ножки
И мне Зевес не дал в удел?»
А цапля тихо отвечает:
«Не знаешь **ты,** – **Зевес**-то знает» [9, с. 14].

В баснях Ивана Пруткова животные обретают бóльшую самостоятельность, чем в уже упомянутых произведениях Козьмы Пруткова. Они направляют фабулу событий в повествовательной части басни и активно вызывают человека на взаимодействие: в басне «Медведь» животное само заговаривает с человеком:

Медведь один, по лесу проходя,
Во рту у Мужика увидел папиросу
И тотчас для решения вопросу
К нему **направился …** [8, с. 300].

В басне «Свинья и пресса» животное является не только ведущим образом, но и единственным действующим лицом. Это самая поздняя (1914) из анализируемых басня, наиболее приближенная по своей поэтике к классическим жанровым образцам. Типичные для большинства произведений Ивана Пруткова абсурд и омонимия, как и каламбур, в ней отсутствуют. Аллегория образа Свиньи легко считывается, мы видим распространенный образ самолюбивого хвастуна. Заключающая текст мораль носит общечеловеческий характер. В целом можно сказать, что данное произ-

ведение, в известном смысле, выходит за рамки литературной маски Ивана Пруткова.

Тем не менее большинство басен Ивана Пруткова по образной системе схожи с образцами данного жанра из творчества Козьмы Пруткова. В сатирических баснях обоих Прутковых обнаруживаем общую тенденцию в выборе героев – поэты часто обращаются к изображению людей, что не типично и крайне редко встречается в классической басне.

Самым частотным образом человека в баснях Козьмы Пруткова стал образ помещика, дворянина, который представляется в различных жизненных ситуациях: отдыхающим с семьей у себя дома («Разница вкусов»), управляющим хозяйством в поместье («Помещик и трава», «Помещик и садовник»), спешащим на работу («Чиновник и курица»), путешествующим («Цапля и беговые дрожки») и т. д.

В баснях с главными героями-дворянами они не получают негативной оценки, но являются сниженными образами. Практически всегда они выступают положительными персонажами, друзьями, как в басне «Звезда и брюхо»: «То мой совет / (Я говорю из дружбы)» [9, с. 33],– или даже выразителями авторской позиции. Так, в басне «Чиновник и курица» мораль состоит из двух строф, не содержащих нравственного вывода, здесь указывается, что он уже был дан в тексте произведения:

Разумный человек коль баснь сию прочтёт,
То, верно, и мораль из оной извлечёт.
[Там же, с. 29]

Обращаемся к тексту басни и находим подобие нравственного вывода, это размышление чиновника, сделанное вследствие сравнения себя с курицей:

Чиновник, курицу узревши этак
Сидящую в лукошке, как в дому,
Ей отвечал: «Тебя увидя,
Завидовать тебе не стану я никак;
Несусь я точно так,
Но двигаюсь вперёд; а ты несёшься сидя!»
[Там же]

Несмотря на абсурдность данного сравнения, именно чиновник является резонером автора. Заметим, что в описании внешности чиновника использованы реалистичные, но не грубые характеристики – эвфемизмы: «толстенький, не очень молодой» (ср.: толстый, жирный, старый), что характеризует не сарказм, а иронию по отношению к герою [Там же]. Смысл противопоставления чиновника и курицы строится на языковой игре, многозначности глагола «нестись» – в словаре В.И. Даля в одной словарной статье указаны эти значения: «Нести яйца, класть, нестись» и «Нестись, -ся, нашиваться, мчаться, стремительно подвигаться, бежать, скакать, лететь и плыть, течь и пр.» [3, с. 537]. Наряду с этим в басне актуализируется традиционно двойственное значение орнитологического образа: «Курица – символ кропотливого труда. Образ “клюющей по зернышку курицы” подразумевал тщательную работу, которая в конечном итоге должна привести к достижению результата. С другой стороны, курица – аллегория нерасторопности» [11, с. 255].

При необходимости назидания герою-дворянину происходит его подмена персонажем низшего сословия. Например, в басне «Цапля и беговые дрожки» действующим лицом является помещик:

На беговых помещик ехал дрожках,
Летела цапля; он глядел [9, с. 14].

В морали, где автор критически отзывается о мечтательности, кузнец заменяет помещика:

Но если ты кузнец и захотел быть барин,
То знай, глупец,
Что, наконец,
Не только не дадут тебе те длинны ножки,
Но даже отберут коротенькие дрожки [Там же].

Героями телесных и образно сниженных сатир становятся крестьяне. В басне «Незабудки и запятки» неприятная, но, по мнению Пруткова, практически полезная тема мозолей и способов их лечения поднимается на примере образа Пахомыча. А.К. Жолковский находит здесь обсценный мотив, который называет примером «образцовой оксюморонности»: «Пук незабудок: зловоние наложено на цветочный аромат» [4, с. 55]. В басне «Червяк и попадья» персонажи – попадья и лакей – раскрывают еще одну «запретную» тему поэзии – непристойность завуалирована между строк. Крестьянская глупость и необразованность прорисовываются в басне «Садовник и помещик», герой которой, садовник, не знал значения слова «прозябать» и заморозил редкое растение [9].

Эти же приемы использует Иван Козьмич Прутков, только выразителем авторского мнения, а также самым частотным персонажем в баснях становится Мужик («Медведь», «Мужик и телега» и др.). Было бы неверно утверждать, что автор ставит между мужиком и собой

знак тождества, но, определенно, уделяет данному образу больше внимания, нежели Козьма Прутков, и лишает данный образ негативных коннотаций. Персонажи, относящиеся к высшему сословию, устойчиво наделены негативными чертами.

Во «Французской басне с дополнением» автор воспроизводит беседу папаши и дочери Мадлены на тему географии. Папаша, узнав, что Мадлена не знает, где находится Париж, берется объяснить ей, но показывает свою собственную несостоятельность в умении обучать и заходит в тупик. Мораль раскрывает замысел поэта:

У всякой нации – свой вкус.
И то сказать: папаша был француз,
Воспитан благородно,
И по-французски говорил свободно.
По мне ж, с Мадленой разговор
Окончить было бы, не натрудивши мозга:
Тому подспорьем с давних пор
Нам служит... розга [8, с. 309].

Мораль басни связана со спорами о популярной теории свободного воспитания Руссо, французского писателя и педагога. Мораль басни можно, видимо, истолковать иронически. С одной стороны, предстает французский менталитет, о котором автор пишет с иронией, восхищаясь тем, что его персонаж – папаша, будучи французом, родившись и живя в Париже, свободно говорит по-французски, т. е. на своем родном языке. Этому менталитету и способу учения, основанному на цепочке вопросов, которые уходят в бесконечность, противопоставлена жесткая и четко нормированная система обучения, где главный аргумент в диалоге – розга.

Осуждая дворян, повествователь пытается у мужика учиться и удивляется его глубокомыслию. Так же, как в ранее рассмотренной басне Козьмы Пруткова «Чиновник и курица», в басне Ивана Козьмича Пруткова «Птицы небесные» герой становится резонером автора, и в морали находится также лишь отсылка к «выводу Мужика», который повествователь оставляет проверять самому читателю:

На веру не беря, друзья, проверьте
Сей вывод Мужика,
Поистине разительный, –
А я поставлю здесь пока
Знак вопросительный: ? [8, с. 302].

Обратимся к тексту и найдем в нем скрытую мораль, вложенную в уста мужика:

Вздохнул, затылок почесал
И молвил: «Так-то так, оно примерно...
Двистительно, где ж лучше жизнь найти!
Да только, господи, прости! –
Собачья это жизнь, ей-богу, верно!..
Не сеют, стало быть, не жнут,
А, почитай, до самой смерти
Навоз клюют!» [Там же].

На первый взгляд, эта мораль звучит в защиту праведного труда, и не удивительно, что такой вывод транслируется через образ мужика, однако следует отметить скрытый смысл, указывающий на непонимание мужиком религиозной философии и посему снижение ее до бытовых выводов.

Наиболее понятной такая позиция автора становится при прочтении другой басни – «Мужик и телега». В этом произведении автор снова рассуждает на тему философии: «Ничто не ново под луной», но высокие рассуждения его прерывает пьяный мужик:

«Дурак!
Я пьян, одначе
Смекаю так,
Что ежели телегу я купил, то не иначе
Как новою назвать ее должен!» [Там же, с. 301].

В тексте басни противопоставлены друг другу две сферы: высокое и житейское, обыденное. В ответ на слова мужика автор, который произнес расхожую, в сущности банальную, философскую сентенцию, молчит, он поражен и смущен, что говорит о высокой оценке мнения мужика. Однако моральный вывод мы получаем неоднозначный:

Сих слов нравоученье
Легко понять:
Читатель, если хочешь
«философом» <ты> стать,
То должен Мужика с телегой вспоминать.
[Там же]

Из этих двух проанализированных басен можно сделать вывод о сатирическом понимании и прочтении высокой философии как баснописцем, так и его alter ego. Здесь явно прослеживается стремление к упрощению, бытовизации морали, отсюда и преобладание образа мужика – носителя житейской, а не философской мудрости.

Аллегоричность и узнаваемость героя осложняются характерным для творчества сопоставляемых авторов особым пародийным пафосом, являющимся отражением «мировоззрения», которое транслирует образ автора, позицию носителя литературной маски. Важ-

нейшая особенность, характерная для басен как Козьмы Пруткова, так и его литературного «сына», – ирония. Мораль под влиянием иронического дискурса часто оборачивается антиморалью, не вытекает из текста, а противоречит ему, жанр басни пародируется и травестируется. Это можно проследить во множестве анализируемых текстов. Один из таких примеров – басня Ивана Козьмича Пруткова «Медведь». В ней можно отметить традиционный для русского фольклора и относящийся к числу наиболее частотных в русской басне, в частности в баснях И.А. Крылова, анималистический образ медведя [1]. Как и в народной сказке, например «Вершки и корешки», известной также в литературной обработке А.Н. Толстого под названием «Мужик и медведь», животное – жертва человеческого обмана. В басне Ивана Козьмича Пруткова медведь падает, потому что закуривает вместо папиросы данный ему мужиком ружейный патрон. Мораль басни не только не вытекает из ее содержания, но находится с ним в противоречии:

Смысл басни сей да не пройдет бесследно:
Куренье для здоровья вредно.

Жанр басни здесь очевидно травестируется и пародируется.

Стилистика басен Козьмы Пруткова и Ивана Пруткова необычайно схожа. Основной сатирический эффект достигается путем языковой игры, привлечением каламбура, омонимии и алогизма.

То, что произведения Козьмы Пруткова строятся вокруг каламбура, неоднократно отмечалось в работах таких известных ученых, как Д.А. Жуков, А.К. Жолковский, В.Я. Пропп, А.Е. Смирнов. Непосредственно о жанре басни рассуждает С.С. Микова в диссертации «Языковые средства передачи культурной информации в тексте русской басни»: «Средства передачи культурной информации басен в период кризиса жанра продолжают играть важную роль в языковом оформлении этих произведений. В пародийных произведениях Козьмы Пруткова одним из таких средств становится омонимия, основанная на лексических единицах с национально-культурным компонентом. Например, в басне “Стан и Голос” смешиваются два значения слова “стан”: “фигура, телосложение” и “административно-полицейский округ из нескольких волостей”. В басне “Звезда и Брюхо” смешиваются омонимы “звезда” – “космическое тело” и “орден святого Станислава”, который имел вид звезды» [7, с. 13–14].

Подобную языковую игру наблюдаем и в произведениях Ивана Пруткова. Басня «Постовой и месяц» построена на языковой игре. В ней смешиваются два значения слова «греть»: прямое – передавать свою теплоту и переносное – нечестно наживаться, работая при каком-нибудь деле; и смешиваются значения слова «светить»: «месяц светит» и «засветить в ухо», причем в последнем примере баснописец устанавливает между смысловыми единицами разрыв, заполненный графическим эквивалентом:

Что ежли Постовой впадет в расстройство духа,
То может даже он нежданно засветить. . .
. . . . . .
В ухо... [8, с. 312].

Этот прием создает эффект, похожий на эффект барабанной дроби, нагнетает обстановку и ставит дополнительный акцент.

В басне «Путник и ворона» снова встречаем смешение значений омонимов:

Читатель-друг! Мораль весьма проста:
Живи, не раскрывая рта,
Дабы не токмо что Ворона не влетела,
Но и тебе чтоб не влетело [Там же, с. 314].

В басне «Путник и ворона», как в ранее анализируемой, языковая игра построена на сопоставлении прямого и переносного значений слов: влететь – летя, проникнуть куда-нибудь; достаться в наказание за что-нибудь. Подобная языковая игра помогает раскрыть сатирический подтекст произведений. Мораль в баснях Ивана Пруткова является сниженной, бытовой и чаще всего транслирует обывательские представления о жизни.

Следует отметить, что в некоторых случаях басни Ивана Пруткова представляют собой иллюстрацию к какому-либо фразеологизму, поговорке. Например, басня «Вешалка», описывающая разговор Пса Барбоса и человека «безвестного мужа, мудрейшего из людей», построена вокруг прочтения фразеологизма «спускать шкуру». В тексте мы не находим прямой отсылки к устойчивому выражению, но существует множество косвенных подтверждений этой связи. Так, басня начинается со слов:

На стоге сена, за сараем,
Насытившись бесцельным лаем,
Лежал дворовый Пес
Барбос [Там же, с. 301].

Из описания понятно, что «безвестный муж, мудрейший из людей» подошел к псу по-

сле того, как он долго лаял, лишая всех спокойствия, и завел с ним разговор, более всего напоминающий диалог Вороны и Лисицы из одноименной басни И.А. Крылова:

«О ты, чье имя: Пес!
Скажи мне, друг дворовый,
Неужли ж ты настолько глуп,
Что шерсть свою, теплейший свой тулуп
И летом носишь так же, как в суровый
Мороз?!
Ответствуй на вопрос!» [8, с. 301].

Он искушает пса, нахваливая его шкуру, пытается убедить его добровольно с ней расстаться.

В этом месте знание значения фразеологизма значительно облегчит понимание басни. В первом значении снять шкуру – это жестоко обходиться, не щадить. Имеется в виду, что лицо, наделённое властью, добиваясь чего-либо от другого лица или желая отомстить, готово использовать самые жестокие способы воздействия или наказания [2, с. 534]. Отсюда получается, что пса хотят жестоко наказать за бесцельный лай. Во втором значении – беспощадно, жестоко эксплуатировать, обирать. Имеется в виду, что лицо налагает на зависящее от него другое лицо непомерно тяжёлое денежное бремя, берет втридорога [Там же]. Исходя из этого, «безвестный муж» не просто нахваливал шкуру Пса, он хотел забрать единственное ценное, что Барбос имеет. В любом случае становится понятно, почему «безвестный муж» назван «мудрейшим из людей»: он желает перехитрить Пса, и ему это почти удается. От гибели последнего спасает его же глупость или бедность (в зависимости от трактовки фразеологизма) – ему не на что повесить свою шкуру. Мораль этой басни абсурдна, в ней условно принимается возможным собаке снимать шкуру:

Читатель! будь в своих сужденьях строже,
Затем, что свойственны ошибки нам порой:
Не лучше ль было, рассудив заране,
С собою вешалку носить в кармане**!,**
Чем шубы не снимать в полдневный зной!!
[8, с. 302]

Из этой принятой условности дается совет по предусмотрительности и не столько в общечеловеческом философском смысле, сколько в обывательском, бытовом.

Язык басен, характерный для классических образцов, в творчестве Козьмы Пруткова и Ивана Пруткова изменяется под влиянием активного использования омонимии или каламбура. Перечисленные отклонения от жанровых норм являются приоритетным способом формирования идеи произведений, их сатирического колорита.

В результате сопоставительного анализа сатирических басен можно сделать вывод о том, что творчество Ивана Козьмича Пруткова опирается на жанровые, пародийные и сатирические традиции, заложенные во второй половине XIX в. в творчестве Козьмы Пруткова. Козьма Прутков опередил свое время, создав базу для формирования тенденции к литературной игре, столь характерной для литературы XX в.

Список литературы

1. Артемьева Н.А. Анималистические образы в баснях И.А. Крылова: автореф. дис. … канд. филол. наук. Смоленск, 2012.

2. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006.

3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Рус. язык, 1981. Т. II.

4. Жолковский А.К. Пук незабудок // Звезда. 2013. № 2. С. 55–56.

5. Костюхин Е.А. Типы и формы животного эпоса. М.: Наука, 1987.

6. Медриш Д.Н. Литература и фольклорная традиция: вопросы поэтики. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1980.

7. Микова С.С. Языковые средства передачи культурной информации в тексте русской басни: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2011.

8. Прутков И. // Поэты Сатирикона. М., Л.: Сов. писатель, 1966. (Библиотека поэта. Большая серия)

9. Прутков К. Плоды раздумья. Избранное // Библиотека на все времена. М.: Комс. правда, 2006.

10. Путило А.О. К вопросу о поэтике жанра басни в творчестве К. Пруткова // Грани познания: электрон. науч.-образоват. журн. ВГСПУ. 2015. № 6 (40). Авг. URL: http://grani.vspu.ru/files/publics/1441608692.pdf (дата обращения: 14.11.2016).

11. Символы, знаки, эмблемы: энцикл. / под ред. В.Л. Телицына. М.: Локид-Пресс: Рипол Классик, 2005.

* * *

1. Artem'eva N.A. Animalisticheskie obrazy v basnjah I.A. Krylova: avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Smolensk, 2012.

2. Bol'shoj frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskij kommentarij / otv. red. V.N. Telija. M.: AST-PRESS KNIGA, 2006.

3. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka. M.: Rus. jazyk, 1981. T. II.

4. Zholkovskij A.K. Puk nezabudok // Zvezda. 2013. № 2. S. 55–56.

5. Kostjuhin E.A. Tipy i formy zhivotnogo jeposa. M.: Nauka, 1987.

6. Medrish D.N. Literatura i fol'klornaja tradicija: voprosy pojetiki. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1980.

7. Mikova S.S. Jazykovye sredstva peredachi kul'turnoj informacii v tekste russkoj basni: avtoref. dis. … kand. filol. nauk. M., 2011.

8. Prutkov I. // Pojety Satirikona. M., L.: Sov. pisatel', 1966. (Biblioteka pojeta. Bol'shaja serija)

9. Prutkov K. Plody razdum'ja. Izbrannoe // Biblioteka na vse vremena. M.: Koms. pravda, 2006.

10. Putilo A.O. K voprosu o pojetike zhanra basni v tvorchestve K. Prutkova // Grani poznanija: jelektron. nauch.-obrazovat. zhurn. VGSPU. 2015. № 6 (40). Avg. URL: http://grani.vspu.ru/files/publics/1441608692.pdf (data obrashhenija: 14.11.2016).

11. Simvoly, znaki, jemblemy: jencikl. / pod red. V.L. Telicyna. M.: Lokid-Press: Ripol Klassik, 2005.

Traditions of satirical fable by KozmaPrutkov in creative works by his "son" Ivan Prutkov

The satirical fables of literary masks of Kuzma and IvanPrutkov are compared in the article. In the process of selection of genre forming features of the works by these authors it is found out that the poetics of Ivan Prutkov is influenced by the traditions of satirical and burlesque poetry of KozmaPrutkov and the genre canon in the works by both authors is transformed.

Key words: *pun, fable, satire, Ivan Prutkov, Kozma Prutkov, animalistic images.*

(Статья поступила в редакцию 28.11.2016)

О.А. ЕВСЕЕВА
(Воронеж)

АССОЦИАТИВНО-СМЫСЛОВОЕ ПОЛЕ СТИХОТВОРЕНИЯ Е.В. ШЕВЕЛЁВОЙ «БЕЛОСНЕЖЬЕ»

Описан способ организации ассоциативно-семантического пространства поэтического текста Е.В. Шевелёвой «Белоснежье» при помощи метода моделирования ассоциативно-смыслового поля. Проведенный анализ подтверждает, что любой художественный текст – это система, элементы которой находятся в определённых структурных связях и отношениях, выражающих творческий замысел писателя. Семантический объём данного произведения задаётся не прямым значением отдельных слов и словосочетаний, а ассоциациями, которые они порождают.

Ключевые слова: *поэтический текст, художественная картина мира, ассоциативно-смысловое поле, лексема, зима.*

Картина мира обязательно несёт на себе национально-культурный отпечаток. Лексические единицы, вербализующие явления и понятия окружающей действительности, отражают структурирование национальной языковой картины мира в сознании каждого человека, поэтому слово выступает не только как единица языка, но и как единица культуры, наименование концепта. «...Народ выражает себя всего полнее в языке своём. Народ и язык, один без другого, представлен быть не может» [1, с. 16].

Языковая картина мира, отражающая индивидуальное мироощущение того или иного художника слова, неразрывно связана с историей народа, его культурой, исторической памятью. Таким образом, можно говорить о художественной картине мира, раскрывающейся в художественном тексте в соответствии с определёнными взглядами автора. Это самая субъективная из всех видов картин, особенностью которой является соединение национального и персонального компонентов.

Цель работы состоит в том, чтобы выявить семантические и ассоциативные связи лексических элементов в стихотворении Е.В. Шевелёвой «Белоснежье».

Имя поэтессы Екатерины Васильевны Шевелёвой (1917–1998), к сожалению, не очень хорошо известно современной аудитории, но

© Евсеева О.А., 2017